Проблемы Старого света

Ядерное оружие в Европе: вокруг статус-кво

Андрей Владимирович ЗАГОРСКИЙ

кандидат исторических наук, заведующий отделом, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: zagorskiandrei@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Загорский А.В. (2018) Ядерное оружие в Европе: вокруг статускво // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 128–143. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-128-143

АННОТАЦИЯ. К концу «нулевых» годов в результате глубокого сокращения нестратегического оружия США и России, ликвидации российских и американских ракет средней и меньшей дальности, сокращения арсеналов Великобритании и Франции в Европе сложился новый «ядерный» статус-кво. Его важными составляющими являются также обязательство стран НАТО не размещать ядерное оружие и инфраструктуру для него на территории новых государств-членов, взаимные обязательства России и стран альянса по сдержанности в области обычных вооружений. Дважды за последнее десятилетие в НАТО ставился вопрос о коррекции этого статус-кво. В 2010-2012 гг. обсуждалось предложение ряда членов альянса об одностороннем полном или частичном выводе из Европы оставшихся американских ядерных авиационных бомб. В 2014-2016 гг. в условиях возвращения НАТО к политике сдерживания России в центре дискуссии оказался вопрос о целесообразности возврата к полноценному ядерному сдерживанию, что имело бы следствием увеличение количества нестратегического ядерного оружия и изменение географии его размещения в Европе, включая возможность его размещения в странах Центрально-Восточной Европы. Однако оба раунда обсуждений закончились вничью и установившийся в Европе после окончания холодной войны статус-кво был сохранен. На фоне украинского кризиса вопрос о полном или частичном выводе американского нестратегического оружия на обозримую перспективу снят с повестки дня. Не обсуждается в настоящее время и вопрос о взаимных согласованных с Россией дальнейших сокращениях нестратегического оружия. Вместе с тем сторонники «укрепления» ядерного сдерживания в Европе не смогли убедить оппонентов в альянсе в необходимости вернуться к стратегии времен холодной войны. Однако еще рано делать вывод о том, что испытания ядерного статускво в Европе на прочность позади. На продолжающиеся дискуссии влияет и критическое положение, сложившееся вокруг Договора 1987 г. о РСМД, и продолжающаяся эрозия режима контроля над обычными вооружениями в Европе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нестратегическое ядерное оружие, Европа, США, Россия, НАТО, безопасность, внешняя политика, дипломатия, оборона

В годы холодной войны Европа была перенасыщена ядерным оружием. Хотя ни СССР, ни США не сообщали официальные данные о его количестве, по имеющимся оценкам, счет шел на тысячи только «нестратегических» боезарядов [Woolf 2018, pp. 11-12], не считая ядерные потенциалы Великобритании и Франции, а также ядерное оружие средней дальности СССР и США. В проводившейся США и НАТО политике сдерживания нестратегическому ядерному оружию отводилась особая роль. Оно должно было обеспечить непрерывность эскалации в случае возникновения вооруженного конфликта с СССР. Любой такой конфликт с применением обычных вооруженных сил, в которых Варшавский договор имел превосходство, в этих условиях неизбежно перерастал бы в ядерную войну, а применение на ее ранних этапах нестратегического ядерного оружия с неизбежностью привело бы к глобальному обмену ядерными ударами [Rudolf 2018, pp. 7-8]. Такая стратегия должна была не только сдерживать СССР, но и демонстрировать убедительность ядерных гарантий США их союзникам, которые не раз терзались сомнениями – готов ли будет Вашингтон рисковать самоуничтожением ради Гамбурга, Лондона или Парижа.

В 1990-е и в начале 2000-х гг. с окончанием холодной войны ситуация радикально изменилась. Хотя политику сдерживания, в том числе ядерного, никто не отменял, она все больше отступала на задний план, как и взаимные обязательства стран НАТО по коллективной обороне территории участников альянса. Это позволило в разы сократить количество размещенного в Европе нестратегического ядерного оружия и понизить уровень боеготовности оставшихся ядерных вооружений. На основе договора 1987 г. были ликвидированы ракеты средней и меньшей дальности (РСМД) России и

США. Сократились ядерные арсеналы Великобритании и Франции. К концу «нулевых» годов в Европе сложился новый «ядерный» статус-кво.

Время от времени он ставится на Западе под сомнение. Острыми дискуссиями по вопросам ядерной политики НАТО ознаменовались подготовка новой стратегической концепции альянса, одобренной на саммите в Лиссабоне в 2010 г., и проведение обзора политики сдерживания и обороны, результаты которого были утверждены на саммите НАТО в Чикаго в 2012 г. Дискуссии проходили на фоне, с одной стороны, проводившейся американской администрацией Б. Обамы линии на снижение роли ядерного оружия и призывов ряда государств — членов альянса в одностороннем порядке вывести из Европы оставшиеся американские атомные бомбы, а с другой - настойчивых требований других членов альянса сохранить американское нестратегическое ядерное оружие в Европе. Этот спор завершился в 2012 г. вничью. Американские атомные бомбы остались в Европе и была достигнута договоренность не принимать в отношении них никаких решений без одобрения всеми членами альянса [Woolf 2018, p. 34].

На фоне украинского кризиса целесообразность пересмотра политики ядерного сдерживания в Европе вновь стала предметом дискуссий в альянсе. В ее центре оказался вопрос о необходимости дополнить меры конвенционального сдерживания России, которые были согласованы на саммитах НАТО в Уэльсе (2014), Варшаве (2016) и Брюсселе (2018), соответствующими мерами ядерного сдерживания по аналогии с политикой, проводившейся альянсом в годы холодной войны. Эта дискуссия тоже не привела к пересмотру ядерной политики США и НАТО в Европе. Однако после объявления Вашингтоном в октябре 2018 г. намерения выйти из Договора 1987 г. о РСМД вопрос о параметрах ядерного сдерживания, скорее всего, вновь встанет в повестку дня альянса.

Сокращение нестратегического оружия США и России

Сокращение нестратегического ядерного оружия¹ США и России осуществлялось на основе односторонних политических заявлений, сделанных президентами Дж. Бушем 28 сентября 1991 г. и М.С. Горбачевым 5 октября 1991 г., подтвержденных и дополненных президентом Б.Н. Ельциным 29 января 1992 г. Эти заявления известны в литературе как «президентские ядерные инициативы», в соответствии с которыми стороны в одностороннем порядке обязались вывести из боевого состава, существенно сократить и ликвидировать боезаряды и понизить боеготовность нестратегического ядерного оружия [Woolf 2018, pp. 12-14].

США обязались вывести на свою территорию, демонтировать и уничтожить все нестратегические ядерные боезаряды для средств доставки наземного базирования (артиллерийских снарядов и боевых частей тактических ракет); снять с вооружения надводных боевых кораблей и подводных лодок все тактические ядерные средства, глубинные бомбы морской авиации, складировать их на территории США и уничтожить примерно половину; сократить в два раза (с 1 400 до 700 единиц) количество ядерных бомб свободного падения в Европе.

Встречные обязательства России предполагали вывод из боевого соста-

ва и ликвидацию всех ядерных боезарядов, предназначенных для средств наземного базирования (боевых частей ракет, артиллерийских боеприпасов, ядерных мин); снятие, складирование и ликвидацию половины боеголовок зенитных ракет, трети боезарядов для тактических носителей морского базирования и половины - для тактической морской авиации наземного базирования; снятие, складирование и ликвидацию половины авиационных боеприпасов. Имелось в виду, что по итогам реализации заявленных мер все не подлежащие ликвидации нестратегические ядерные боеприпасы США и России будут выведены из боевого состава и размещены на складах централизованного хранения, что существенно понижало уровень их боеготовности.

Поскольку ни США, ни Россия не обнародовали официальные данные о количестве нестратегических ядерных зарядов, которым они располагали до и после сокращений, оценки масштабов последних существенно различаются. Очевидно, можно считать авторитетной оценку, данную несколько лет назад А.И. Антоновым (в то время - заместитель министра обороны России): в ходе односторонних сокращений Россией и США были изъяты из вооруженных сил примерно 14 тыс. ядерных боезарядов, в результате чего их общее количество сократилось на 75-80% [Ан*тонов* 2012, с. 74]. В 1990-е гг. Москва и Вашингтон информировали друг друга о ходе сокращений, а с 1997 г. обмен информацией проводился и в рамках Совместного постоянного совета Россия-HATO [Pomper, Potter Sokov 2009, p. 6].

¹ Среди специалистов продолжаются дискуссии относительно корректности этого определения, поскольку речь идет о системах с различными задачами и дальностью (тактической, оперативно-тактической и даже оперативно-стратегической), как наступательных, так и оборонительных. Однако термин прочно закрепился в современной литературе. Встречающийся иногда термин «тактическое ядерное оружие» используется как синоним. Под нестратегическим ядерным оружием принято понимать ядерные боезаряды и средства их доставки, не подпадающие под положения российско-американских договоров о сокращении стратегических наступательных вооружений и о ликвидации РСМД [Rudolf 2018, р. 7; Woolf 2018, рр. 7–10].

Правда, в 1999 г. в связи с приостановкой участия России в работе Совета в условиях косовского кризиса прекратился и обмен информацией по нестратегическому ядерному оружию. Он так и не возобновился после возвращения России в Совет [Zagorski 2011, р. 14].

Несмотря на отсутствие официальных данных, оценки российских и зарубежных экспертов совпадают. Российская Федерация после произведенных сокращений имеет в общей сложности примерно 2 000 ядерных боезарядов для различных нестратегических систем, не считая ожидающих демонтажа боеприпасов [Arbatov 2017, pp. 57-58; Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 351]. США же сократили почти все имевшиеся у них к концу холодной войны нестратегические ядерные боезаряды. После отказа Вашингтона в 2010 г. от крылатых ракет морского базирования в ядерном оснащении у США остался всего один вид нестратегического оружия - авиационные бомбы свободного падения В61. Их общее количество оценивается примерно в 300 единиц, из которых около 150 размещены в Европе на шести авиабазах в пяти странах: Италии, Германии, Турции, Бельгии и Нидерландах [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 343].

И Россия, и США проводят плановую модернизацию своего нестратегического арсенала. В 2022 г. в США начнется процесс замены тактических бомб В61 новыми управляемыми бомбами свободного падения В61-12. Продолжается модернизация российской нестратегической ядерной авиации, подводного флота. Считается, что новая российская многоцелевая атомная подводная лодка «Ясень» оснащена новыми крылатыми ракетами морского базирования большой дальности «Калибр», которые существуют как в ядерном, так и в обычном оснащении [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 344, 351]. При этом общее количество нестратегических боезарядов двух стран не увеличивается. Больше всего вопросов встает в связи с заменой российских баллистических ракет малой дальности «Точка» новыми ракетными комплексами «Искандер-М». Х. Кристенсен полагает, что к российским баллистическим ракетам малой дальности наземного базирования «приписаны» около 150 ядерных боеголовок, в том числе более 90 - к ракетным комплексам «Искандер» [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 347]. Если эта оценка соответствовала бы действительности, это означало бы, что Россия либо не полностью выполнила свои односторонние обязательства 1991-1992 гг. (все ядерные боезаряды для средств наземного базирования должны были быть уничтожены), либо больше не придерживается их. Такие утверждения опровергаются российскими официальными лицами. Выступая на Конференции по разоружению 28 февраля 2018 г., министр иностранных дел С.В. Лавров заявил, что «Россия не имеет развернутого тактического ядерного оружия, не проводит отработку его применения. Мы сосредоточили имеющиеся боеприпасы на центральных базах хранения на своей национальной территории» [*Лавров* 2018].

После обнародования инициатив 1991-1992 гг. Россия и США не раз возвращались к вопросу о том, чтобы зафиксировать новый статус-кво в юридически обязывающей форме. В начале 1990-х гг. Москва предлагала Вашингтону оформить односторонние обязательства в договорном порядке [Zagorski 2011, р. 10]. В 1997 г., согласовывая основные параметры Договора СНВ-3, президенты России и США – теперь уже по инициативе Вашингтона – поручили экспертам рассмотреть возможные меры, касающиеся нестратегического оружия [Антонов 2012, с. 71; Woolf 2018, р. 3]. Однако этот договор так и не был согласован.

Но эта тема не ушла полностью с повестки дня. После неудачной попытки включить нестратегическое ядерное оружие в подписанный в 2010 г. российско-американский Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений администрация Обамы приняла решение добиваться их включения в следующий договор [NPR 2010, р. 47]. Такое же требование было включено в резолюцию Сената при ратификации Договора 2010 г. [111th Congress 2010]. Но с тех пор новые переговоры между Россией и США так и не начались.

В обсуждении этой темы в годы холодной войны и после ее завершения Россия и США поменялись местами. Начиная с 1970-х гг. Москва неоднократно, но безуспешно добивалась включения американских ядерных средств передового базирования в повестку дня двусторонних переговоров. Вашингтон уходил от этого, ссылаясь на то, что эти средства предназначены для компенсации превосходства Варшавского договора над силами НАТО в области обычных вооруженных сил [Пикаев 2009, с. 131]. Принятие же США односторонних обязательств по сокращению и ликвидации нестратегического оружия в начале 1990-х гг. во многом было облегчено подписанием в 1990 г. Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

В условиях нынешнего общего превосходства сил НАТО в области обычных вооружений теперь уже Россия рассматривает свои нестратегические силы в качестве компенсации этого превосходства [Антонов 2012, с. 75; Арбатов 2010, с. 257] и не проявляет спешки в их включении в переговорный процесс, увязывая решение данного вопроса с необходимостью достичь договоренности не только по более широким проблемам стратегической стабильности, но и по обычным вооруженным силам в Европе [Антонов 2012, с. 77].

Ядерные силы Великобритании и Франции

Параллельно с сокращением российского и американского нестратегического оружия в Европе сокращались ядерные арсеналы Великобритании и Франции.

В 1992 г. правительство Великобритании приняло решение в рамках общего сокращения арсеналов стран НАТО сократить более чем наполовину количество авиационных ядерных бомб. Позднее оно скорректировало это решение в пользу полного отказа от авиационной составляющей ядерных сил и в 1998 г. сняло авиационные бомбы с вооружения [Ежегодник СИПРИ-1998 1999, с. 423]. С тех пор силы ядерного сдерживания страны состоят исключительно из военно-морской составляющей. Это - по-прежнему четыре подводные лодки с атомными ракетами на борту (ПЛАРБ) класса «Вангард», вооруженные баллистическими ракетами «Трайдент II». Общего количества этих ракет достаточно для вооружения трех из четырех подводных лодок, выходящих на боевое патрулирование. С 2010 г. они имеют на борту вместо шестнадцати только восемь ракет и не более 40 боевых частей (хотя каждая ракета может нести до двенадцати боевых частей [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 354].

Общий запас ядерных боезарядов Великобритании оценивается в 215, а количество оперативно развернутых боезарядов, которые могут быть установлены на БРПЛ, – в 120 единиц [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 353–354]. Для сравнения: в 1998 г. с учетом авиационных ядерных бомб общий запас боезарядов составлял 360 единиц [Ежегодник СИПРИ-1998 1999, с. 423]. В утвержденном в 2015 г. обзоре британской политики в области стратегической обороны и безопасности были подтверждены принятые в 2010 г. планы дальнейшего со-

кращения ядерного арсенала страны. К середине 2020-х гг. общее количество ядерных боезарядов с учетом неразвернутых должно быть сокращено с 215 до 180 единиц [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 353], то есть вдвое по сравнению с уровнем 1990-х гг.

Франция после окончания холодной войны также провела сокращение своих ядерных арсеналов. Париж полностью отказался от баллистических ракет наземного базирования, включая ракеты средней и малой дальности. В 1996 г. все восемнадцать ракет шахтного базирования были сняты с вооружения [Ежегодник СИПРИ-1998 1999, с. 425]. Однако французские ядерные силы, в отличие от британских, сохранили не только морскую (четыре ПЛАРБ), но и авиационную составляющую. Помимо самолетов наземного базирования «Мираж 2000N» и поступающих на вооружение с 2009 г. «Рафаль F3» Франция сохранила и модернизирует палубную авиацию, базирующуюся на авианосце «Шарль де Голль». Общий запас ядерных боезарядов Франции в настоящее время оценивается примерно в 300 единиц [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 356-357], что в полтора раза меньше, чем в 1990-е гг.

И Лондон, и Париж планируют модернизацию своих ядерных сил без увеличения количества ядерных боезарядов, а Великобритания - с дальнейшим сокращением их количества. Речь идет о замене обеими странами в 2030-е гг. стратегических подводных лодок на ПЛАРБ нового поколения. Франция завершает замену самолетов «Мираж» «Рафалями», в плановом порядке заменяет палубную авиацию [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 354-358]. Прогнозируя ядерную политику Великобритании и Франции, можно исходить по крайней мере из отсутствия у них намерений увеличивать запасы своего ядерного оружия.

Москва давно и неоднократно предлагала включить британский и французский потенциалы в переговорный процесс по ограничению и сокращению ядерных вооружений. Предлагалось охватить их силы как в рамках переговоров по стратегическим наступательным вооружениям, так и при обсуждении нестратегического оружия, настаивая на том, что без учета британского и французского потенциалов невозможны серьезные договоренности в этой области [Антонов 2012, с. 76, 78-79]. При классификации ядерных сил этих двух стран в России, как правило, их разделяют на стратегические (с дальностью более 5 500 км.) и нестратегические, отталкиваясь от определения стратегических сил, принятого в российско-американских договорах. В соответствии с этим критерием под определение стратегических вооружений подпадает весь арсенал Великобритании и большая часть – Франции [Пикаев 2009, с. 131–132].

Однако понятное в контексте российско-американских договоров определение стратегических ядерных сил не является универсальным. Дилемма, которую предстоит решить на определенном этапе в будущем, заключается в том, что и Великобритания, и Франция склонны рассматривать свои ядерные силы сдерживания как стратегические, независимо от их дальности. Вместе с тем как силы, не охваченные российско-американскими договорами о СНВ и РСМД, они все могут рассматриваться как нестратегические (см. определение нестратегических ядерных сил выше). В любом случае в настоящее время и в обозримом будущем, на которое распространяются планы Лондона и Парижа по модернизации, и Великобритания, и Франция явно предпочитают самостоятельно определять количественные параметры своих сил сдерживания, в том числе их сокращения, не включая их в переговорный процесс.

Дискуссии последнего десятилетия

Анализ современного обсуждения странами НАТО возможных изменений ядерного статус-кво, сложившегося в Европе после окончания холодной войны, следует предварить важным дополнением. Этот статус-кво сформировался не только в результате глубоких сокращений нестратегических ядерных сил США и России, а также ядерных арсеналов Великобритании и Франции. Его неотъемлемыми составными частями являются, во-первых, обязательство стран НАТО по Основополагающему акту о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО 1997 г., в котором они подтвердили, что «не имеют намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов и не имеют необходимости изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО, а также не предвидят необходимости делать это в будущем». В Основополагающем акте говорится также, что альянс «не имеет намерений, планов или причин создавать места хранения ядерного оружия» на территории этих стран - «ни путем строительства новых объектов хранения ядерного оружия, ни путем приспособления старых объектов хранения» [Основополагающий акт о взаимных отношениях 1997].

Во-вторых, неотъемлемой частью этого статус-кво являлся российско-американский Договор о ликвидации РСМД, имеющий прямое отношение к интересам европейских стран в области безопасности и к планированию ядерной политики НАТО.

В-третьих, важное значение для сохранения нынешнего статус-кво имеет соблюдение Россией и странами альянса их взаимных обязательств относительно военной сдержанности в том, что касается обычных вооруженных сил, и, в частности, обязательство НАТО воздерживаться от дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил [Основополагающий акт о взаимных отношениях 1997]. Россия взяла аналогичное обязательство в отношении Псковской и Калининградской областей.

Нарушение любого из этих элементов статус-кво - размещение ядерных сил США, строительство или приспособление объектов хранения ядерного оружия в каком-либо новом государстве - члене альянса, распад режима договора об РСМД, размещение на постоянной основе существенных боевых сил в чувствительных регионах неизбежно будет вести к эрозии сложившегося ядерного статус-кво, и без того подвергающегося испытанию на прочность на фоне украинского кризиса, и может обернуть вспять начатый в 1990-е гг. процесс сокращения ядерного оружия в Европе.

Первая дискуссия в странах НАТО относительно пересмотра количественных параметров сложившегося ядерного статус-кво в Европе развернулась в 2010–2012 гг. в период подготовки новой стратегической концепции альянса и проведения обзора политики сдерживания и обороны.

В условиях проведения администрацией Обамы линии на снижение роли ядерного оружия ряд государств альянса, в первую очередь Германия в 2009 г., поставили вопрос об одностороннем выводе из Европы остающихся здесь ядерных авиационных бомб США [Meier, Lunn 2014, р. 19; Rudolf 2018, р. 8; Woolf 2016, р. 6]. Во время подготовки лиссабонского саммита НАТО, на котором планировалось утвердить новую стратегическую концепцию альянса, пять государств – Бельгия, Германия, Люксембург, Нидерланды и Нор-

вегия выступили с призывом полностью вывести складированные в Европе остатки американского ядерного оружия [Kříž 2015, pp. 121-122; Woolf 2018, р. 34]. В условиях, которые, несмотря на конфликт в Грузии 2008 г., рассматривались как стабильные с точки зрения обстановки в области европейской безопасности, эта инициатива была встречена положительно многими европейскими странами. Администрация Обамы готова была рассмотреть вариант вывода всех или сокращения количества ядерных боезарядов из Европы, если такое решение не нанесет ущерба единству альянса [Schulte, Hilde, Zysk, Kulesa, Durkalec 2015, p. 9; Woolf 2018, p. 34].

Это предложение стало предметом острых споров в НАТО. Критически отнеслись к предложениям «пятерки» Франция, Турция, ряд других членов альянса [Kříž 2015, pp. 121-122]. Против одностороннего вывода или сокращения американского ядерного оружия в Европе высказался ряд государств Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Такая перспектива практически у всех стран ЦВЕ вызвала озабоченность на фоне существенного сокращения американских войск в Европе. В апреле 2012 г. страны Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия, Чешская Республика) выступили с заявлением, в котором высказались в пользу сохранения американского ядерного оружия на континенте как неотъемлемого элемента стратегии HATO [Durkalec 2012, p. 11; Slovakia 2015, p. 4].

Противники вывода или сокращения американских ядерных авиационных бомб из Европы увязали решение вопроса об их судьбе с инициированием переговоров об одновремен-

ном сокращении российского арсенала или, по меньшей мере, о согласовании мер транспарентности в отношении нестратегического оружия в Европе. Идея переговорного решения вопроса получила широкую поддержку не только в альянсе. Еще в апреле 2010 г. министры иностранных дел Польши и Швеции выступили с предложением договориться с Россией о том, чтобы не размещать нестратегическое ядерное оружие в непосредственной близости от границ стран - членов ЕС, в особенности - на Кольском полуострове и в Калининградской области [Zagorski 2011, p. 9]².

Мотивы государств, поддержавших предложение увязать полный или частичный вывод американских нестратегических ядерных вооружений из Европы с проведением переговоров с Россией, были разными. Какие-то страны полагали, что это позволит преодолеть разногласия в альянсе. Другие считали, что Москва не согласится с такой постановкой вопроса, поскольку ее в целом устраивал сложившийся статускво [PISM Database 2015]. Как бы то ни было, данный подход возобладал в ходе дискуссии 2010-2012 гг. Он и лег в основу соглашения, принятого на саммите НАТО в Чикаго в 2012 г., которым подтверждалась готовность альянса к сокращению ядерного оружия США в Европе при условии встречных шагов со стороны Российской Федерации.

Созданный в мае 2012 г. Специальный комитет по вопросам контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения должен был конкретизировать это решение. Обсуждение в Специальном комитете сосредоточилось на разработке мер транспарентности для согласования с Россией. Одна-

² Заведомо невыполнимое предложение, если учесть, что на Кольском полуострове расположены основные базы российского Северного флота.

ко работа комитета показала неготовность самой НАТО согласиться даже с относительно простыми мерами в области обмена информацией и взаимных посещений. В итоге перечень из более чем дюжины мер, предложенных США и Нидерландами и поддержанных Бельгией, Венгрией, Исландией, Люксембургом, Словенией и Чехией, к декабрю 2013 г. сократился до двух: обмена односторонними и (или) совместными заявлениями о ядерных доктринах и проведения на взаимной основе брифингов о нестратегическом ядерном оружии США и России в Европе [Meier, Lunn 2014, pp. 19-22].

Тем не менее принятое в Чикаго в 2012 г. решение позволило преодолеть возникшие в альянсе разногласия и сформировать общую позицию, не снимая окончательно вопрос о полном выводе или сокращении в будущем американского ядерного оружия в Европе [Durkalec, Zagorski 2014, p. 7]. Примечательно в этой связи, что с совместным предложением о необходимости согласования с Россией мер транспарентности в области нестратегических сил в 2011 г. выступили как сторонники вывода американского ядерного оружия из Европы (Германия, Нидерланды, Норвегия), так и противники такого решения (Польша, поддержанная Венгрией и Чешской Республикой) [Czech Republic 2015, pp. 4–5; Hungary 2015, pp. 4–5]. Это решение было интерпретировано как подтверждение сложившегося в 1990-е гг. статус-кво как в странах HATO [Kulesa 2012, p. 5; Rudolf 2018, p. 8], так и в России [Антонов 2012, с. 75].

Однако достигнутый консенсус о возможности дальнейшего взаимного сокращения нестратегического ядерного оружия в Европе на основе соответствующих договоренностей с Россией продержался недолго. На фоне украинского кризиса акценты в дискуссии внутри альянса сместились в сторону

обсуждения целесообразности укрепления потенциала ядерного сдерживания в Европе.

Украинский кризис породил сомнения в эффективности и убедительности проводимой альянсом политики сдерживания. Современные споры на эту тему напоминают дискуссии времен холодной войны относительно «автоматизма» введения в действие американских ядерных гарантий безопасности. На каждом этапе этих дискуссий сомнения в готовности США пожертвовать Вашингтоном или Нью-Йорком ради Лондона или Парижа снимались размещением в Европе американского нестратегического ядерного оружия, которое должно было служить залогом того, что вооруженный конфликт нельзя будет ограничить какими-то географическими рамками и он неизбежно перерастет во всеобщую ядерную войну.

В европейских странах сегодня опять задают вопрос о том, готов ли будет Вашингтон защищать, к примеру, страны Балтии, если действия альянса будут сдерживаться угрозой ядерной эскалации конфликта. В мае 2015 г. чешский генерал П. Павел, вскоре после этого занявший пост председателя Военного комитета НАТО, так сформулировал эту дилемму: «Россия могла бы оккупировать страны Балтии за два дня, а НАТО за это время не смогла бы принять ответные меры. Тогда перед НАТО встал бы вопрос, начинать ли войну с Россией, возможно ядерную, из-за оккупации Балтии» (цит. по: [Durkalec 2015, p. 26]). Размещенные в Европе ядерные авиационные бомбы США (в том числе при условии их предстоящей модернизации) считаются неэффективным и неубедительным ответом на гипотетическую готовность России нанести ограниченный ядерный удар, поскольку нет никакой гарантии того, что несущие их современные самолеты стран НАТО смогут преодолеть российские системы противовоздушной обороны. В этом случае альтернативой принятию свершившегося факта был бы только самоубийственный глобальный обмен ядерными ударами США и России, то есть – провал политики сдерживания, чего больше всего опасаются многие члены альянса [Durkalec 2015, pp. 25–26; Rudolf 2018, p. 12].

Российское руководство справедливо отвергает упреки в свой адрес и подчеркивает, что никто в Москве не собирается нападать на страны Балтии. Тем более с учетом того обстоятельства, что они являются членами НАТО, и война с ними означала бы развязывание войны с альянсом с высоким риском ее перерастания в ядерное противостояние. Однако простые заявления не успокаивают и не убеждают соседей России [Ознобищев 2016, с. 827]. Они просчитывают наихудшие из возможных сценариев развития ситуации, исходя из оценки не декларированных намерений России, а ее военных возможностей, и ищут адекватные способы хеджировать даже гипотетические риски.

В результате ядерный статус-кво в Европе вновь был поставлен под сомнение, но уже не сторонниками вывода ядерного оружия США из Европы, а теми, кто считает, что принятых НАТО в 2014-2016 гг. решений по размещению на восточном фланге альянса четырех многонациональных батальонов и формированию сил и инфраструктуры для их усиления недостаточно для поддержания убедительности гарантий безопасности союзников и что необходим пересмотр нынешней ядерной политики альянса в сторону увеличения количества нестратегического ядерного оружия и изменения географии его размещения в Европе [Durkalec 2015, р. 28; Durkalec 2016, p. 2]. Ряд польских политиков, включая первого посткоммунистического президента страны Л. Валенсу, призывали разместить ядерное оружие НАТО (то есть - США) в

Польше. В Конгрессе США обсуждался вопрос о целесообразности перебазирования ядерных бомб в страны ЦВЕ и (или) размещения в Европе американских ядерных ракет наземного базирования [Durkalec 2015, р. 27; Poland 2015, р. 6; Woolf 2018, р. 35]. Первое решение привело бы к развалу режима, установленного Основополагающим актом Россия—НАТО, тогда как второе (в зависимости от того, где были бы развернуты американские ракеты), как минимум – окончательному развалу режима, установленного Договором об РСМД.

Хотя официальные представители стран - членов альянса избегают публичных высказываний на этот счет [PISM Database 2015], вопросы ядерной стратегии, судя по всему, обсуждались в альянсе за закрытыми дверями в 2014-2016 гг. Косвенным свидетельством этого можно считать тот факт, что в короткий период с февраля 2015 по июнь 2016 г. состоялись три заседания Группы ядерного планирования НАТО на уровне министров обороны [Durkalec 2016, p. 2]. Итоги этой дискуссии были подведены на варшавском саммите альянса в 2016 г. [Durkalec 2016; Woolf 2018, pp. 16–17].

На саммите не было принято решение о размещении в Европе дополнительного ядерного оружия, но была согласована новая, расширенная по сравнению с документами чикагского саммита 2012 г. формулировка, подчеркивающая значимость различных компонентов ядерного сдерживания, в том числе нестратегических: «До тех пор, пока существует ядерное оружие, НА-ТО будет оставаться ядерной союзнической организацией. Стратегические силы Североатлантического союза, особенно Соединенных Штатов Америки, являются высшей гарантией безопасности стран НАТО. Независимые стратегические ядерные силы Соединенного Королевства и Франции играют собственную роль в сдерживании и вносят вклад в общую безопасность Североатлантического союза. Отдельные центры принятия решений этих стран НАТО вносят вклад в сдерживание, поскольку это усложняет расчеты потенциальных противников. Построение сил ядерного сдерживания НАТО также предусматривает отчасти развертывание в передовом районе в Европе ядерного оружия США и предоставление сил и средств и инфраструксоответствующими государствами-членами» [Заявление по итогам встречи 2016, п. 53]. И далее: «Любое применение ядерного оружия против НАТО фундаментальным образом изменит характер конфликта. Обстоятельства, при которых НАТО пришлось бы применить ядерное оружие, крайне маловероятны. Однако, если возникнет угроза основополагающей безопасности какого-либо государства - члена организации, НАТО обладает силами и средствами, а также преисполнена решимости заставить противника пойти на такие затраты, которые будут неприемлемы и намного перевесят преимущества, которых противник мог бы надеяться добиться» [Заявление 2016, п. 54]. Эта формулировка летом 2018 г. была включена и в заявление, принятое альянсом по итогам брюссельского саммита [Заявление по итогам встречи 2018, пп. 35, 36].

Включая размещенное в Европе ядерное оружие в свою политику сдерживания, альянс в то же время не принимал решений, которые вели бы к повышению роли этого оружия. С начала украинского кризиса официальные представители НАТО подчеркивали, что уровень боеготовности ядерного оружия в Европе не был изменен, а соответствующие учения проводились в ранее намеченном плановом порядке [Durkalec 2015, р. 20]. В альянсе не принимались решения о пересмотре ни ко-

личественных параметров размещения в Европе нестратегического ядерного оружия в сторону наращивания его арсеналов, ни географии его размещения.

Заключение

Дискуссии последнего десятилетия о роли ядерного оружия в проводимой НАТО политике сдерживания не привели к изменению сложившегося на основе решений 1990-х гг. статускво. На фоне украинского кризиса вопрос о полном или частичном выводе американского нестратегического оружия, обсуждавшийся шесть-восемь лет назад, на обозримую перспективу снят с повестки дня [Durkalec 2016, p. 2]. Не обсуждается в настоящее время и вопрос о взаимных согласованных с Россией дальнейших сокращениях нестратегического оружия. Не отказываясь от этой цели в принципе, и в Варшаве в 2016 г., и в Брюсселе в 2018 г. альянс констатировал, что в настоящее время для таких сокращений нет условий [Заявление по итогам встречи 2018, п. 42].

Вместе с тем сторонники «укрепления» ядерного сдерживания в Европе не смогли убедить своих оппонентов в альянсе в необходимости вернуться к прежней модели политики сдерживания времен холодной войны, которая во многом опиралась на размещение значительного количества нестратегического ядерного оружия в Европе.

Этот результат можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, в годы холодной войны целесообразность размещения на континенте американского нестратегического ядерного оружия обосновывалась необходимостью компенсировать превосходство СССР и стран Варшавского договора в обычных вооружениях. Сегодня картина прямо противоположная: превосходство в обычных вооружениях на сто-

роне НАТО, что позволяет альянсу проводить политику «минимального» ядерного сдерживания, не предполагающую наращивание количества и диверсификацию видов нестратегического ядерного оружия.

Во-вторых, если риски эскалации возможных опасных военных инцидентов на море и в воздухе вследствие значительной активизации военной деятельности России и НАТО в районах их непосредственного соприкосновения считаются сегодня приемлемыми, то понижение «порога» применения ядерного оружия, неизбежное в случае увеличения количества нестратегических вооружений и их размещения вблизи от границ России, существенно повысило бы эти риски и сделало бы их неприемлемыми. В этом никто в НАТО не заинтересован.

Однако испытания ядерного статуско в Европе на прочность не закончились. В ближайшее время дискуссия в альянсе возобновится как минимум в связи с объявленным намерением США выйти из Договора об РСМД. Другим поводом для ее возобновления может стать размещение на постоянной основе в «чувствительных» зонах, к примеру в Балтийском регионе, существенных обычных боевых сил России и (или) НАТО.

Список литературы

Антонов А.И. (2012) Контроль над вооружениями: история состояние, перспективы. М.: РОССПЭН; ПИР-Центр.

Арбатов А. (2010) Уравнение безопасности. М.: РОДП «Яблоко».

Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность (1999). М.: Наука.

Ежегодник СИПРИ 2017. Вооружения, разоружение и международная безопасность (2018). М.: ИМЭМО РАН.

Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 11–12 июля 2018 года (2018) // HATO. 11 июля 2018 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_ texts_156624.htm?selectedLocale=ru, дата обращения 30.11.2018.

Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Варшаве 8–9 июля 2016 (2016) // HATO. 9 июля 2016 // https:// www.nato.int/cps/en/natohq/official_ texts_133169.htm?selectedLocale=ru, дата обращения 30.11.2018.

Лавров С.В. (2018) Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Конференции по разоружению, Женева, 28 февраля 2018 года // МИД РФ. 358-28-02-2018 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3102270, дата обращения 30.11.2018.

Ознобищев С. (2016) Россия и НА-ТО: от украинского кризиса к новому взаимодействию // Ежегодник СИ-ПРИ-2015. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН. С. 823–834.

Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора (1997) // МИД РФ. 27 мая 1997 // http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/-/asset_publisher/rp0fiUBmANaH/content/id/608584, дата обращения 30.11.2018.

Пикаев А. (2009) Нестратегические ядерные вооружения // Арбатов А., Дворкин В. (ред.) Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры. М.: РОССПЭН. С. 129–157.

111th Congress (2010). 2nd Session, Senate, Exec, Rept. 111-6. Treaty with Russia on Measures for Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (The New START Treaty) // https://www.congress.gov/congression-al-report/111th-congress/executive-report/6, дата обращения 30.11.2018.

Arbatov A. (2017) Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty: Thirty Years Later // Revitalizing Nuclear arms Control and Non-proliferation, Moscow: National Institute of Corporate Reform, pp. 50–68.

Czech Republic (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM // http://www.pism.pl/files/?id_plik=19767, дата обращения 30.11.2018.

Durkalec J. (2012) The Future of NATO's Defence and Deterrence Posture: V4 Perspectives // The Future of NATO's Deterrence and Defence Posture: Views from Central Europe. Report of the Polish Institute of International Affairs in Partnership with the Nuclear Security Project. December 2012 (ed. Kulesa Ł.), Warsaw: PISM, pp. 7–14.

Durkalec J. (2015) Nuclear-Backed "Little Green Men": Nuclear Messaging in the Ukraine Crisis, Warsaw: PISM.

Durkalec J. (2016) NATO Adaptation to Russia's Nuclear Challenge // PISM Bulletin, no 59, September 16, 2016 // http://www.pism.pl/publications/bulletin/no-59-909, дата обращения 30.11.2018.

Durkalec J., Zagorski A. (2014) Options for Transparency and Confidence-Building Measures Related to Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe: Cost-Benefit Matrix. PISM-IMEMO RAN Workshop Report, July 2014, Warsaw // https://www.pism.pl/files/?id_plik=17781, дата обращения 30.11.2018.

Hungary (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM // http://www.pism.pl/files/?id_plik=19769, дата обращения 30.11.2018.

Kříž Z. (2015) Disaster or Success? Evaluation of Worst Case Scenario // Newcomers No More? Contemporary NATO and the Future of the Enlargement from the Perspective of "Post-Cold War" Members (eds. Czulda R., Madej M.), Warsaw, Prague, Brussels: International Relations Research Institute, Jagello 2000 – NATO Information Center in Prague; Atlantic Treaty Association, pp. 117–129.

Kulesa Ł. (2012) The Future of NATO's Deterrence and Defence Posture: Views from Central Europe, Warsaw: PISM, pp. 5–6.

Meier O., Lunn S. (2014) Trapped: NA-TO, Russia, and the Problem of Tactical Nuclear Weapons // Arms Control Today, vol. 44, no 1, pp. 18–24.

Nuclear Posture Review 2010 (NPR) (2010) // U.S. Department of Defense, April 2010 // https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/NPR_FACT_SHEET_April_2010.pdf, дата обращения 30.11.2018.

PISM Database (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues // http://www.pism.pl/publications/PISM-raports/The-Central-and-Eastern-European-resource-collection-on-nuclear-issues, дата обращения 30.11.2018.

Poland (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM // http://www.pism.pl/files/?id_plik=19772, дата обращения 30.11.2018.

Pomper M.A., Potter W., Sokov N. (2009) Reducing and Regulating Tactical (Nonstrategic) Nuclear Weapons in Europe, Monterey: The James Martin Center for Nonproliferation Studies.

Rudolf P. (2018) US Nuclear Deterrence Policy and Its Problems. SWP Research Paper 2018/RP // https://www.swpberlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2018RP10_rdf.pdf, дата обращения 30.11.2018.

Schulte P., Hilde P.S., Zysk K., Kulesa Ł., Durkalec J. (2015) The Warsaw Workshop: Prospects for Information Sharing and Confidence Building on Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe. Post-Conference Report, Warsaw: The Polish Institute of International Affairs.

Slovakia (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM // http://www.pism.pl/files/?id_plik=19774, дата обращения 30.11.2018.

Woolf A.F. (2018) Nonstrategic Nuclear Weapons. Congressional Research Service Report // https://fas.org/sgp/crs/nuke/RL32572.pdf, дата обращения 30.11.2018.

Zagorski A. (2011) Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control, Hamburg: IFSH.

Problems of the Old World

Nuclear Weapons in Europe: around the Status Quo

Andrei V. ZAGORSKI

PhD in History, Head of Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: zagorskiandrei@gmail.com

CITATION: Zagorski A.V. (2018) Nuclear Weapons in Europe: around the Status Quo. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 128–143 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-128-143

ABSTRACT. By the end of the las decade, a new "nuclear" status quo was asserted in Europe as a result of deep reductions of non-strategic weapons of Russia and the US, the elimination of Russian and American intermediate- and shorter-range missiles, and the reduction of the arsenals by Great Britain and France. The commitment of NATO states not to station nuclear weapons on the territory of new members and the mutual commitments of Russia and the members of the alliance to exercise restraint in stationing of conventional forces are important elements of this status quo. Twice during the past decade, different options of amending this status quo were on the NATO's agenda. In 2010-2012, proposals were put forward to unilaterally completely or partially withdraw the remaining American nuclear bombs from Europe. In 2014-2016, in the context of NATO's returning to

the policy of deterring Russia, debates concentrated on the expedience of returning to a fully-fledged nuclear deterrence that would imply an increase in the stockpile of non-strategic weapons and a different geography of their deployment in Europe, including the option of deploying them in the East-Central European countries. However, both rounds of the debates resulted in a draw. The nuclear status quo established in Europe after the end of the Cold war was preserved. Against the background of the Ukraine crisis, the option of a full or partial withdrawal of American non-strategic weapons is off the agenda for a foreseeable future. The option of mutual negotiated further reductions of Russian and American non-strategic weapons is currently not considered either. At the same time, the proponents of strengthening nuclear deterrence in Europe failed to convince their opponents within the

alliance of the expedience of returning to the Cold war time strategy. It is premature to conclude, however, that the testing of the nuclear status quo is over. Ongoing debates are further affected by the critical status of the 1987 INF Treaty and the continued erosion of the conventional arms control regime in Europe.

KEY WORDS: non-strategic nuclear weapons, Europe, the US, Russia, NATO, diplomacy, security, defense, foreign policy

References

111th Congress (2010). 2nd Session, Senate, Exec, Rept. 111-6. Treaty with Russia on Measures for Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (The New START Treaty). Available at: https://www.congress.gov/congressional-report/111th-congress/executive-report/6, accessed 30.11.2018.

Antonov A.I. (2012) Kontrol' nad vooruzheniyami: istoriya sostoyanie, perspektivy [Arms Control: History, Status, Prospects], Moscow: ROSSPEN; PIR-Center.

Arbatov A. (2010) *Uravnenie bezopasnosti* [Security Equation], Moscow: RODP «Yabloko».

Arbatov A. (2017) Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty: Thirty Years Later. *Revitalizing Nuclear arms Control and Non-proliferation*, Moscow: National Institute of Corporate Reform, pp. 50–68.

Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11–12 July 2018 (2018). *NATO*, July 11, 2018. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selected-Locale=en, accessed 30.11.2018.

Czech Republic (2015). The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM. Available at: http://www.pism.pl/files/?id_plik=19767, accessed 30.11.2018.

Durkalec J. (2012) The Future of NA-TO's Defence and Deterrence Posture: V4 Perspectives. The Future of NATO's Deterrence and Defence Posture: Views from Central Europe. Report of the Polish Institute of International Affairs in Partnership with the Nuclear Security Project. December 2012 (ed. Kulesa Ł.), Warsaw: PISM, pp. 7–14.

Durkalec J. (2015) Nuclear-Backed "Little Green Men": Nuclear Messaging in the Ukraine Crisis, Warsaw: PISM.

Durkalec J. (2016) NATO Adaptation to Russia's Nuclear Challenge. *PISM Bulletin*, no 59, September 16, 2016. Available at: http://www.pism.pl/publications/bulletin/no-59-909, accessed 30.11.2018.

Durkalec J., Zagorski A. (2014) Options for Transparency and Confidence-Building Measures Related to Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe: Cost-Benefit Matrix. PISM-IMEMO RAN Workshop Report, July 2014, Warsaw. Available at: https://www.pism.pl/files/?id_plik=17781, accessed 30.11.2018.

Ezhegodnik SIPRI 1998. Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost' [SIPRI Yearbook 1998. Armaments, Disarmament and International Security] (1999), Moscow: Nauka.

Ezhegodnik SIPRI 2017. Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost' [SIPRI Yearbook 2017. Armaments, Disarmament and International Security] (2018), Moscow: IMEMO RAN.

Founding Act. Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security between NATO and the Russian Federation Signed in Paris, France (1997). *NATO*, May 29, 1997. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25468.htm, accessed 30.11.2018.

Hungary (2015). The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM. Available at: http://www.pism.pl/files/?id_plik=19769, accessed 30.11.2018.

Kříž Z. (2015) Disaster or Success? Evaluation of Worst Case Scenario.

Newcomers No More? Contemporary NATO and the Future of the Enlargement from the Perspective of "Post-Cold War" Members (eds. Czulda R., Madej M.), Warsaw, Prague, Brussels: International Relations Research Institute, Jagello 2000 – NATO Information Center in Prague; Atlantic Treaty Association, pp. 117–129.

Kulesa Ł. (2012) *The Future of NATO's Deterrence and Defence Posture: Views from Central Europe*, Warsaw: PISM, pp. 5–6.

Lavrov S.V. (2018) Foreign Minister Sergey Lavrov's Statement at the Conference on Disarmament, Geneva, February 28, 2018. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 358-28-02-2018. Available at: http://www.mid.ru/en/web/guest/mnogostoronnij-razoruzenceskij-mehanizm-oon/-/asset_publisher/8pTEicZSMOut/content/id/3102270, accessed 30.11.2018.

Meier O., Lunn S. (2014) Trapped: NA-TO, Russia, and the Problem of Tactical Nuclear Weapons. *Arms Control Today*, vol. 44, no 1, pp. 18–24.

Nuclear Posture Review 2010 (NPR) (2010). U.S. Department of Defense, April 2010. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/NPR_FACT_SHEET_April_2010.pdf, accessed 30.11.2018.

Oznobishchev S. (2016) Rossiya i NA-TO: ot ukrainskogo krizisa k novomu vzaimodejstviyu [Russia and NATO: from the Ukrainian Crisis to the Renewed Interaction]. *Ezhegodnik SIPRI-2015. Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost*' [SIPRI Yearbook 2015. Armaments, Disarmament and International Security], Moscow: IMEMO RAN, pp. 823–834.

Pikaev A. (2009) Nestrategicheskie yadernye vooruzheniya [Nonstrategic Nuclear Weapons]. *Yadernoe rasprostranenie: novye tekhnologii, vooruzheniya i dogovory* [Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons and Treaties] (eds. Arbatov A., Dvorkin V.), Moscow: ROSSPEN, pp. 104–128.

PISM Database (2015). The Central and Eastern European Resource Col-

lection on Nuclear Issues. Available at: http://www.pism.pl/publications/PISM-raports/The-Central-and-Eastern-European-resource-collection-on-nuclear-issues, accessed 30.11.2018.

Poland (2015). The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM. Available at: http://www.pism.pl/files/?id_plik=19772, accessed 30.11.2018.

Pomper M.A., Potter W., Sokov N. (2009) *Reducing and Regulating Tactical (Nonstrategic) Nuclear Weapons in Europe*, Monterey: The James Martin Center for Nonproliferation Studies.

Rudolf P. (2018) US Nuclear Deterrence Policy and Its Problems. SWP Research Paper 2018/RP. Available at: https://www.swpberlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2018RP10_rdf.pdf, accessed 30.11.2018.

Schulte P., Hilde P.S., Zysk K., Kulesa Ł., Durkalec J. (2015) *The Warsaw Workshop: Prospects for Information Sharing and Confidence Building on Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe*. Post-Conference Report, Warsaw: The Polish Institute of International Affairs.

Slovakia (2015). The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM. Available at: http://www.pism.pl/files/?id_plik=19774, accessed 30.11.2018.

Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016 (2016). *NATO*, July 9, 2016. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selected-Locale=en, accessed 30.11.2018.

Woolf A.F. (2018) *Nonstrategic Nuclear Weapons*. Congressional Research Service Report. Available at: https://fas.org/sgp/crs/nuke/RL32572.pdf, accessed 30.11.2018.

Zagorski A. (2011) Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control, Hamburg: IFSH.